

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Мариной Михайловной Малышевой
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Москва, Россия

Дата: 1 мая 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Марина Михайловна Малышева - доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии наук (ИСПЭН РАН). В 1980-е годы, закончив Экономический факультет МГУ, обрела опыт социолога-практика, в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социальная эффективность профессионального труда женщин: опыт сравнительного анализа международных и региональных исследований». Стояла у истоков создания Московского центра гендерных исследований (1990 г.), целью которого было проведение гендерных исследований актуальных социальных проблем, проведение гендерной экспертизы социальных и проектов и законодательной базы; содействие преодолению дискриминации по признаку пола во всех сферах жизни общества. В 1999 г. защитила вторую, докторскую диссертацию на тему «Взаимосвязь социально-экономических процессов и гендерных отношений», получив заслуженную степень доктора экономических наук. В настоящее время работает в ректорате Российского государственного университета дружбы народов и в ИСПЭН РАН. Ее профессиональные интересы охватывают гендерную экономику, социологию семьи и пола. Важнейшие публикации: Гендерный калейдоскоп. Курс лекций (Москва: Academia, 2001); Методические подходы к исследованию трудовой миграции из стран СНГ в Россию: гендерный аспект. (М.: 2008). Под редакцией М.М. Малышевой изданы сборники: Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. (Москва: Academia, 2001); Экономика и социальная политика: гендерное измерение. (Москва: Academia, 2002).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской

Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работ, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Н.Л.: Марина Михайловна Малышева, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, Москва. Марина Михайловна, расскажите про Ваш жизненный путь, про Вашу биографию. Как Вы представляете свою собственную жизнь, в каком месте, на каком рубеже Вы сейчас находитесь. Расскажите о себе.

М.М.: Ну, для меня, на самом деле, этот вопрос сложный, и, вот чем взрослее я становлюсь, тем сложнее на него отвечать. Наверное, потому что в силу ряда разных обстоятельств, я начала интересоваться психологической литературой, и понимаю, что то, как складывается у человека путь, очень сильно связано с рядом мозговых процессов, которые протекают у человека.

Я сейчас как бы вижу себя со стороны, и могу, например, привести такой пример. Ну, все мы иногда отдыхаем на природе – может быть, занимаемся тем, что сажаем цветы, ну вот работаем на своем участке. Я всегда казалась сама себе смешной в том, что я никогда не могла закончить что-то одно. Я начинала сажать цветы, потом бросала цветы и бежала на грядку сажать огурцы, потом меня увлекли помидоры, потом я вообще про это забывала и начинала делать что-то около речки, и так далее. Вот, собственно, вся моя жизнь – она именно такая. Меня интересовало очень много разных тем – ну, которые связаны, конечно, с гендерной проблематикой, но, тем не менее, они были настолько разные, что я никогда сама себе не могла объяснить, где, собственно, вот та логика, которая меня ведет. Вот ее не было. У меня в этом смысле – ну, может быть, я грубо скажу – не было все-таки вот такого стержня, на который можно было бы все это нанизывать. Я, наверное, все время шла по какой-то периферии, вокруг центра, к которому стремилась, но все равно, наверное, я туда не попала.

Н.Л.: Расскажите, как Вам удалось защитить докторскую диссертацию, что было темой Ваших исследований в начале Вашего научного пути - и в дальнейшем, как вообще эти темы родились и как... почему они увлекли.

М.М.: Ну, конечно, перед тем, как была докторская, была кандидатская, она была непосредственно связана тоже с гендерной проблематикой.

Н.Л.: Тоже с гендерной? А, значит, как-то родилось это увлечение вопросами изучения гендерной экономики и вот этими сюжетами, которые, собственно, и сделали Вам имя в науке?

М.М.: Я когда работала в Институте социологии, шел очень крупномасштабный проект «Образ жизни советских людей». Возглавлял его Левыкин Иван Тихонович, и в этом проекте мне просто предложили сделать анализ огромной базы данных в разрезе по полу: мужчины и женщины. Я начала...

Н.Л.: В каком году это было?

М.М.: ... это был, по-моему, 82-83 год. Я начала заниматься этим анализом и вдруг поняла, что это, ну, просто безбрежная тема, что там можно столько всего увидеть и найти, что меня это очень сильно увлекло. И я собственно вот как

начала этой темой там заниматься, так уже потом и всю жизнь этим занималась. Но, конечно, в самых разных аспектах – я об этом уже сказала. В основном там поднимались проблемы труда, занятости женщин, и моя кандидатская работа была связана именно с профессиональной занятостью женщин, это был вторичный анализ исследований, то есть фактически вся диссертация была основана на анализе литературы, в том числе зарубежной и нашей литературы в области женской трудовой занятости. А работа называлась «Социальная эффективность профессионального труда женщин». И вот после этого...

Н.Л.: Как воспринимались такого рода темы, такие исследования, в Вашем окружении, в научном окружении, в широком самом, в те вот 80-90 гг., когда Вы писали кандидатскую и докторскую диссертации?

М.М.: Было тогда уже очень много интересных работ, целая плеяда социологов была, на которых можно было опираться. Я вот с удовольствием, помню, читала труды Груздевой и Чертихиной, они очень много публиковались, у них были замечательные статьи – не только научные, но и такие чисто публицистические, которые очень живо дискутировались. Все это было на слуху. Очень много было написано в русле семейной социологии, как ни странно – именно по социологии труда. Но это собственно естественно, потому что российские женщины, у нас как говорили, была поголовная занятость, - поэтому всегда поднимался вопрос о том, как эффективно совмещать профессиональную деятельность с семейной жизнью. Поэтому очень много работ читала, которые писали там Янкова, Мацковский, Харчев - это все очень хорошо знакомые имена. Вот, собственно, с этого я начинала. Поэтому все новое, что я привлекала в свои работы, ну, было уже связано с переводом в основном англоязычной литературы, потому что английский язык для меня был основным. Но мне повезло, потому что в девяностом году я – даже в 88 году – я в первый раз выехала за рубеж во Францию и, как ни странно, у нас был коллоквиум по молодежи, а, на самом деле, естественно, затрагивала гораздо более широкие темы, и тогда я узнала об Андре Мишель, которая писала потрясающие совершенно работы по феминизму и, в том числе, вела кампании против милитаризма. На меня это произвело очень сильное впечатление, хотя специально по этой теме я никогда исследований не вела и не писала, но это был такой сильный импульс, толчок, который вот меня заставил интересоваться уже непосредственно литературой по феминизму.

Н.Л.: Какие годы это... На какие годы это приходится?

М.М.: Это вот как раз в 88-м году я выехала, а в 90-м году мне предложили стажировку в Великобритании. Я поехала в университет Гилфорда, ну, совсем рядом с Лондоном, 30 км., по-моему. А из Гилфорда мне дали возможность поехать в Брэдфорд,¹ потом я была в Бирмингеме в это же время.² Двухмесячная была поездка. И в Варвике.³

¹ Составитель транскрипт отмечает, что в Брэдфордском университете в это время работала Сюзан Бриджер.

Н.Л.: И вот эти впечатления от научной жизни и от того уровня исследований, которые в это время существовали во Франции и в Англии, - это как-то повлияло на те выводы и те темы, те вопросы, которые Вы ставили, когда писали собственную работу здесь?

М.М.: Ну, безусловно, да, что и говорить. Собственно когда я начинала... Ведь надо понимать, что такое восьмидесятые годы в России, да. Тогда слова «дискриминация» вообще не было. А, когда я открывала англоязычную литературу, конечно, «сегрегация» и «дискриминация» были в фокусе. И, если серьезно анализировать нашу действительность, я понимала, что это все то, что непосредственно связано с нашей жизнью, что они точно так же имеют место быть, и что нужно делать очень серьезный анализ. И вот потихоньку- потихоньку я начала писать на эту тему, а потом, значит, у меня была серия целая поездок в Германию, и одна из них меня потрясла совершенно. Это была встреча с журналисткой немецкой Кристой Виттерих, которая написала монографию «Глобализованные женщины». И вот вопросы дискриминации и сегрегации женщин вообще как бы в глобальном масштабе она потрясающе хорошо описала. И она меня пригласила на семинар, который назывался «Unpaid woman's work», то есть, ну, вот то, что называется «care work» или «неоплачиваемая работа» и будущее неоплачиваемой работы.⁴ То есть нам всем предлагалось пофантазировать, что ждет вообще человечество в связи с неоплачиваемой работой и как это будет.⁵ И вот этот семинар, коллоквиум, знакомство с ее работой подтолкнули меня к написанию докторской. И фактически как бы вот весь предшествующий круг моих исследований, он оформился.

Н.Л.: И, следовательно, в центре внимания в докторской диссертации была вот эта тема дискриминации, асимметрии гендерной на рынке труда?

М.М.: Ну, как бы да, эксплуатация женщин на рынке труда, ну вот гендерная экономика, если так говорить, вот она, наверное, в каком-то, ну, своеобразном, конечно, виде у меня была представлена в моей диссертации. В основном она была сосредоточена на неоплачиваемой работе женщин, а центральным понятием был репродуктивный труд. Но не в смысле воспроизводства человека в демографическом понимании, а вообще воспроизводство человека и место женщин в этом репродуктивном труде, потому что она была четко совершенно

² Составитель транскрипта отмечает, что в Бирмингемском университете М.М. работала в Центре восточно-европейских исследований. Там, отмечается, М.М. познакомилась с Мелани Илич и Хилари Пилкингтон.

³ Составитель транскрипта отмечает, что в Варвикском университете М.М. познакомилась с Анн Физакли, в результате чего появилась ее статья в книге изданной издательством Рутлидж под редакцией Анн Физакли - "Women in the Face of Change".

⁴ Составитель транскрипта отмечает, что конференция была проведена в Бонне в 1998 году. Составитель транскрипта также уточняет, что конференция касалась того, как неоплачиваемая работа «связана с трудом мигрантов и с гендерной стратификацией общества».

⁵ Составитель транскрипта уточняет, что речь на конференции шла о связях между неолиберализмом и неоплачиваемой работой.

очерчена и было понятно, что собственно весь репродуктивный труд в основном держался на женщинах, ну, впрочем, как и сейчас это продолжается.⁶

Н.Л.: Отсюда возникает вопрос: можете ли Вы согласиться с утверждением, что такого рода исследования, они обслуживают феминистскую идею и в целом способствуют развитию женского движения в стране?

М.М.: Наверное, да. Но вообще вопрос, конечно, очень сложный...

Н.Л.: А как Вы для себя определяете термин «феминизм»?

М.М.: Да вот, очень хорошо, что последовало это уточнение, потому что огромная сложность – определить, что такое женское движение и что такое феминизм. Наверное, сложно дать одно определение, потому что нельзя дать другое и наоборот. Что касается вот как бы термина самого «феминизм»... Ну вот первая моя поездка, которая состоялась в Варвикский университет и в Бирмингемский университет, она была связана с встречей со многими известными британскими феминистками того времени. Это вот Хилари Пилкингтон – наверное, хорошо знакомо ее имя. Физакли. Ну, многие другие. И я пыталась тогда это все осмыслить уже тогда в 90-е, в самом начале 90-х годов. Мне подарили книги. Я читала о разных волнах феминизма и читала дискуссию по поводу, что вообще феминизма как такового нет, а есть «феминизмы». И их очень много. Кто-то в фокус ставит проблему материнства; оказывается, что это феминизм. А кто-то занимает совершенно радикальную позицию и действительно как бы есть... нет, не просто как бы вот критика маскулинности, а противостояние, резкое противостояние мужчинам. То есть вот феминизм, он настолько разный, настолько многогранный, что дать его какое-то общее определение я бы не рискнула и, думаю, вряд ли у кого-то это получится. Наверное, даже нет смысла этого делать.

Н.Л.: А как-то жизнь связала Вас с какой-нибудь женской организацией, здесь, в Москве, или в России, и насколько можно сейчас говорить... существует ли она сейчас, и как-нибудь связаны были Ваши исследования и ее работа тогда?

М.М.: Ну вот, первая организация, в которой я начала работать – это Московский центр гендерных исследований.

Н.Л.: Когда он был создан?

М.М.: Он был создан в 1993-м году. Может быть, даже 1992-й, я пришла немножко попозже уже как бы. По крайней мере, уже год этот центр существовал. Вот возглавляла его известная Анастасия Посадская, совершенно харизматичный, невероятно интересный человек, которая нас всех могла сплотить, увлечь, у нее была фантастическая энергетика. А я считаю, что это вообще самое главное в том, чтобы объединять людей вместе – это энергия. Вот когда ее чувствуешь, тогда ты

⁶ Составитель транскрипта предлагает, что в диссертации воспроизводство человека в демографическом понимании «изучалось сквозь призму сверхэксплуатации женщин в осуществлении каждодневных услуг и заботы о детях, престарелых, инвалидах. Эта сверхэксплуатация продолжается и сейчас».

включаешься, зажигаешься, как лампочка. Если у человека только интеллект, но нет энергетики, этого мало. Вот у нее было все.

Н.Л.: А какие цели ставила эта организация?

М.М.: Вот организация ставила целью во-первых – что же там у нас говорить, даже название про это было, такое было «Gender Awareness...», то есть вот формирование гендерного сознания, «гендерные линзы» дать людям, чтобы они сквозь эту оптику научились воспринимать мир. Мы старались это делать, насколько хватало сил. Группа, конечно, была небольшая. По-моему, нас было где-то порядка 8-9 человек. Остальные к нам часто приходили – то есть была как бы тусовка такая –но ядро все-таки было не таким большим, если учесть масштабы нашей страны. А Посадской удавалось довольно часто проводить семинары.

Н.Л.: Для кого?

М.М.: Вот на семинары приглашали, вот во-первых как бы, академическую нашу публику, университетскую публику из самых разных регионов России, и, кроме этого, из разных вот НКО, маленьких организаций, которые тогда возникали.

Н.Л.: То есть «гендерные линзы» предполагалось дать, во-первых, научным работникам, исследователям, преподавателям вузов.

М.М.: Совершенно верно.

Н.Л.: И, наверное, активистам каких-то низовых организаций?

М.М.: Да, совершенно верно. Именно так и было. Ну, естественно, насколько фонды нам давали гранты – и для фондов очень важно было чтобы вот та политика, которую мы – ну, хотите политику, хотите неполитику – но я считаю, что да, вот «gender politics», «gender politics» было и то и другое, чтобы это было представлено и на более как бы высоком уровне. То есть, чтобы это было интегрирована в разные институциональные структуры. Поэтому мы, естественно, выходили и на Московскую городскую Думу, и вообще на Государственную Думу. У нас были и чиновники, которые с нами общались. Мы, естественно, до них доносили наши идеи, наши заботы, привлекали их на наши семинары, конференции, насколько было возможно. Ну, тут, конечно, ждало очень много разочарований.

Н.Л.: Почему?

М.М.: Потому что, наверное, по наивности. Вот когда я входила в эту тему, у меня было убеждение, что, если будет женщин много в политике, то гендерного равенства будет больше. Сейчас я так не думаю. Этот опыт пройден, он негативный, потому что есть живые примеры женщин, которые вошли в политику и, как только они там оказались, проблемы гендерного равенства отошли на периферию.

Н.Л.: А что можно – и вообще можно ли представить себе – что можно сделать для сближения работы вот таких центров, подобных Московскому центру

гендерных исследований и активисток, работающих с низовыми организациями? Как сделать так, чтобы вот подобного рода работа, какая велась в 90-е годы, продолжалась бы и сейчас? Можно ли это... Или это все зависит от финансирования, от западных грантов, которых сейчас нет?

М.М.: Ну, конечно, от грантов зависит. Хорошо бы, если бы они были российские, на самом деле, это было бы очень здорово. Но мы-то оказались в такой ситуации, когда российских грантов нет, а западные критикуются. Вот это называется «как хочешь, так и живи». Без грантов вообще нигде, ни в одной стране невозможно развиваться «grassroots» организациям, низовому движению. Поэтому это очень серьезная проблема. Но здесь вот мне жизнь подарила уникальный совершенно интересный опыт работы в республиканском институте. А потому что там я работаю...

Н.Л.: Подробнее чуть-чуть об этом, потому что не все знают, что такое Международный республиканский институт.

М.М.: Да, это даже очень забавный совершенно сюжет, потому что буквально месяц назад я вступила в переписку со своей американской коллегой, с которой в 95 году делала проект по изменению модели поведения в семьях российских. Вот была опубликована наша книга «Окно в русскую частную жизнь». Я ей написала, что я вот после того, как завершился этот проект, стала работать в Международном республиканском институте, и она меня спросила, что это за институт. Для меня был шок, потому что она американка и я была уверена, что она нас знает. Она меня спрашивает: «А с республиканцами это как-то связано?». Я ей говорю: «Кончено, связано. У нас был IRI и NDI. NDI – это демократическая партия, а IRI – республиканская. И собственно вот эти две структуры, они провели колоссальную совершенно работу фактически во всех регионах России. Они делали тренинговые программы по участию в избирательных кампаниях людей, ну, на муниципальном уровне, на уровне региональном, на федеральном уровне. То есть они учили людей, как работать в органах власти и продвигать свою повестку дня, вот в частности, гендерную повестку. Как ее продвигать, работая в органах власти. Благодаря этому институту, благодаря гранту, который они мне предоставляли, я объездила многие регионы России и познакомилась с огромным количеством женских организаций в самых разных городах

Н.Л.: И удается поддерживать сейчас отношения и связи?

М.М.: Нет, но это как бы моя личная...

Н.Л.: Проблема?

М.М.: Ситуация, потому что если бы я не ушла работать в университет в Академии наук, я убеждена, что контакты бы продолжались и были бы очень крепкие. Просто у меня был такой крен в жизни. И как вот по переписке в интернете я стараюсь отслеживать жизни этих людей. Она мне крайне интересна и я знаю, что фактически благодаря этим грантам была создана определенная социальная среда людей, единомышленников, у которых есть очень интересное свое собственное виденье социальной общности, того, как люди должны

взаимодействовать, как они должны отстаивать свои ценности. И, самое интересное, что и в последние годы, которые оказались переломными в России, эти люди вот сохранили ту позицию, которая сформировалась. И она совершенно не касается... Она касается гендерной проблематики, но это намного шире и намного глубже. Это вообще касается восприятия человеческих ценностей, понимания толерантности, понимания того, как в самой сложной обстановке все-таки сохранять демократическую повестку дня. Вот это очень важно.

Н.Л.: Вот вопрос такой: речь идет об активистках, о верхушке, об элите вот подобного рода организаций, с которыми Вы контактировали, или же вот те знания, которые были пронесены в ряды обычных преподавателей, научных работников там, может быть, студенчества, в те 1990-е годы, в те гендерные 90-е годы, когда, собственно, работал и Международный республиканский институт, и множество женских организаций, которых сейчас нету, - они сейчас продолжают свою деятельность или эта деятельность свернута?

М.М.: Она никак не свернута. Абсолютно. Эти люди продолжают. Может быть, они занимаются несколькими другими вещами, потому что пространство все-таки перетасовалось и поменялось. Но это безусловно, что они продолжают как бы... они прошли школу и вот эту школу они поддерживают, они ведут. И вот те ценности, которые они освоили, так или иначе они транслируют в своих образовательных программах или даже, может быть, в избирательных кампаниях. Правда, сейчас мне об этом сложно судить, потому что я вот теперь уже от этого отошла. Но, на самом деле, я думаю, что, конечно, все равно это было не такая уж большая часть нашего общества. Потому, что Россия – огромная совершенно страна, и это, конечно, элитный слой, и он не может быть массовым.

Н.Л.: Вопрос тогда: как транслировать эти знания из научной среды в общественную, дальше? Для того чтобы... То есть как наши исследования и вот конкретно Ваши исследования в этой области, в области, допустим, гендерной экономики и т.д., могут быть донесены до тех, кто работает в низовых организациях, кто работает с электоратом. Когда речь идет о выборах – это сейчас актуальная тема для нас и т.д. То есть как нам преодолеть узость распространения знаний только в нашей среде?

М.М.: Ну, как... Каноны-то, они в общем известны, конечно, это должны быть образовательные программы. На самом деле, книг-то мы написали очень много, я должна сказать, за это время. И я, безусловно, очень благодарна фонду Сороса, потому что благодаря этому фонду, наверное, было издано столько книг, сколько не было написано при поддержке ни одного другого фонда. Эти книги, они читаются, и, эти книги так или иначе переиздаются – ну, конечно, они уже в трансформированном несколько виде. Я думаю, что многие идеи были подхвачены и, может быть, в каком-то модифицированном виде они все равно распространяются, это никуда не могло исчезнуть. И потом все-таки вот выросло уже несколько новое поколение людей, у которых другая школа, а не наша, но, наверное, что-то происходит вообще в социальном пространстве, помимо уже наших собственных усилий. Что молодежь из этого пространства улавливает,

выхватывает и каким-то образом соединяет с теми идеями, которые мы пытались донести. Потому что... Вот наблюдая за молодыми людьми, я очень часто вижу, что в чем-то они даже пошли дальше нас.

Н.Л.: Можно ли сказать, что в современной России присутствует такая тенденция к неопатриархату и к увлечению традиционностью, и это транслируется современными СМИ и идеологическими какими-то установками. Следовательно, можно ли этому противостоять, и что могут сделать в этом контексте современные женские организации, созданные тогда, в «гендерные 90-е», ориентированные на либеральное понимание женского движения и вклада женщин в социальную жизнь?

М.М.: Ну вот ответить, что они могут сделать, наверное, очень сложно. На самом деле, безусловно...

Н.Л.: Как противостоять, иными словами коротко говоря?

М.М.: Безусловно, что есть... Вот очень интересно даже сказать, что мы говорили о ренессансе патриархатности. Ришамевская очень активно – директор Института народонаселения – может, даже эксплуатировала этот термин, когда описывали реформы 1990-х годов. Потому что, на самом деле, выход России в рыночное пространство, он сопровождался захватом частных разных компаний, огромных участков земельных. В общем всего, что дает прибыль мужской элите – женщин потеснили, и им потом очень тяжело было пробиваться через вот эти препоны, которые были выстроены, потому что все было маскулинизировано, вся система власти. Да, действительно был ренессанс патриархатности. Сейчас, наверное, да, вот она новая стадия, только она другая, потому что она идет вся через идеологию и через пропаганду. Очень жесткая на самом деле. Она, может быть, еще связана с тем, что радикальные исламисты очень активизировались в мире, и это рикошетом вот воздействует на Россию, влияет тоже и на сознание и на психологию, в каком-то модифицированном виде здесь воспроизводится тоже.

Я, например, хотела бы привести наши дискуссии по поводу нашего последнего проекта, который мы сейчас делаем. А вот. Как ни странно, называется этот проект «Экогендер». Термин-то появился в 70-м году. Я сейчас не назову имя французской исследовательницы, которая его ввела в оборот, но тогда под «экогендером» понимали некоторую такую социальную, не экологическую, а социальную среду, которая выстраивает представление о гендере и собственно вот эти нормы, институциональные структуры и т.д. Вот как экология, внутри которой тебе можно жить, дышать этим, выстраивать свое поведение и т.д.

Сейчас когда мы говорим об «экогендере», речь идет именно об экологии. И здесь есть уже наработанные материалы по поводу того, что поведения мужчин и женщин по-разному влияют на экологию. Но мне хочется вернуться к старому пониманию термина. Ведь на самом деле, вот в старом значении «экогендер» сейчас очень сильно активизировался. Именно благодаря вот этим радикальным исламистам, о которых я говорила, и ведь ренессансу патриархатности в России, появились, если так грубо говорить, «чистильщики», которые очень опять хотят,

чтобы гендер был чистым. «Вот мужчина, вот женщина, и никаких трансгендеров и никаких гомосексуалов, чтобы ничего этого по середине не было». Настолько жестко стало сейчас стремление развести мужчин и женщин опять по своим собственным нишам с точки зрения идеологии и пропаганды, что это просто шокирует. Это происходит в нашей стране. Но параллельно, если мы возьмем скандинавские, например, страны, да и в Америке это активно происходит и во многих других странах, идет движение за то, чтобы отцы очень активно принимали участие в воспитании малолетних детей, присутствовали в постнатальной и пренатальной стадиях развития ребенка. –Это же вот как бы полное нарушение гендера, это отход от этой традиционной модели, когда мужчина целиком и полностью погружается в женскую сферу.

А с другой стороны в том же интернете – я уже сейчас не помню в какой это стране – но в одной из исламских странах показали великолепную фотографию экипажа женщин самолета, который состоит вот только из женщин, там нет ни одного пилота мужчины. То есть полное вторжение в мужской мир в исламском мире. И вот, вот это разведение гендера, вот такое искусственное через пропаганду, ну, мне кажется бессмысленно. То есть эта вот волна, которая схлынет. Все равно гендер таким, каким он был, никогда больше не будет, и вот эта вот экологическая среда существования человека в социальном смысле, она кардинально изменилась, изменилась навсегда.

Н.Л.: Можно ли сказать, что вот подобного рода исследования, которые ведете Вы, и вот столь интересные факты, которые Вы только что сообщили – они каким-то образом в дальнейшем доносятся Вами через средства массовой информации, через – я не знаю – участие в телевизионных проектах или где-то? Доносятся до широкой аудитории? Какова вообще связь между Вашей небольшой женской организацией, объединяющей исследователей, и, собственно, женским движением в самом широком смысле слова или, хотя бы скажем так, женскими организациями в стране?

М.М.: Ну вот к сожалению, современного женского движения я его не знаю. Я знаю, что есть... появились новые группы, и они даже в каком-то смысле более продвинуты, чем мы, потому что мы были все-таки более академичными людьми. У нас все это... больше это шло через образование. У нас это шло, да, через выступления на телевиденье, через публикации в журналах, может быть, для массовой аудитории, но тем не менее. Те группы женщин, которые появились сейчас, они не боятся выходить на улицу. Они устраивают пикеты, очень часто это пикеты против насилия в отношении женщин – больше всего, наверное, с этим связаны. И в этом смысле я вот просто преклоняюсь перед этими молодыми девочками, потому что политическая ситуация очень жесткая, и, в такой ситуации вот открыто выступать, надо иметь особое мужество. Но у меня, вот честно скажу, нету связи с этими группами, нет связи с молодым народившимся движением, и здесь мне сказать как бы, вот как взаимодействовать, к сожалению, я ответа не могу.

Н.Л.: Марина Михайловна, последняя группа вопросов, она связана с взаимоотношениями с зарубежными женскими организациями. Знаете ли Вы такие и работают ли... есть ли какие-то связи между Московским центром гендерных исследований и соответственно подобного рода организациями сейчас? Понятно, что в 90-е годы они были крепче, обмен был активнее, а что происходит сейчас и есть ли вообще выход на международный уровень для Вашей организации сейчас или это исключено в силу изменения политического контекста? Вот об этом речь идет.

М.М.: Ну, во-первых, как бы вот здесь самая грустная-то новость – мне казалось, что уже все знают –Московского центра гендерных исследований больше нет. Поэтому вот этот очень важный такой канал трансляции гендерных ценностей, гендерной политики, как мы ее понимали – он закрыт.

Н.Л.: Что стало причиной?

М.М.: Причиной стало... Причин, наверно, было довольно много. Наверное, потому что большинство из нас стали преподавать в университетах, и просто физически стало абсолютно невозможно так много работать как мы раньше работали в Центре. Потому что в Центре мы буквально жили. Даже иногда (когда проводили крупные конференции) оставались ночевать на столах для того, чтобы все провести вовремя и так, как мы хотели. Естественно, что... Поскольку мы написали много книг, и стали известны и стали востребованы, нас стали приглашать работать в университеты, предлагать ответственные должности, работу, на которой требовали полного включения и появились ответственность за других людей, которых нельзя было...

Н.Л.: А как же молодежь? Ее не появилось? В Вашем Центре ее не появилось? То есть когда Вы туда вошли...

М.М.: Да, одна из проблем – молодежи в Центре не появилось. То есть мы не создали приемников, которые могли бы продолжать эту работу. Наверное, это основная причина, почему Центр закрылся.

Н.Л.: Были какие-то отличия в Вашей работе, работе Вашего Центра гендерных исследований, и аналогичных, если сравнивать его с аналогичными центрами за рубежом? То есть, есть ли отличия в методиках работы, в подходах, в стремлениях, в целях, в задачах между российскими организациями и зарубежными? И в чем, если они есть, эти отличия? Или мы просто... наши, российские, в известной степени копировали деятельность западных организаций и мало чем отличны от них?

М.М.: Ну, мне вот кажется, что в такой работе копировать вот вообще просто невозможно, потому что люди – это фантастические существа, уникальные. Невероятно, что может выйти в результате какого-то синергетического эффекта, когда они начинают взаимодействовать. Можно начать с простого копирования – а что станет результатом, часто предвидеть крайне невозможно, потому что эта внутренняя энергетика, которая есть в каждом из нас, воля, которая есть в каждом из нас, интерес к жизни, они порождают нечто совершенно

фантастическое. Безусловно, мы были вынуждены копировать то, что делали западные организации, потому что у нас феминизма как такового в стране не было и быть не могло и женского движения. Оно у нас было все идеологизировано и под давлением партийных структур. Да, начали мы с того, что мы копировали, но, мне кажется, в итоге создали совершенно уникальные, свои собственные гендерные центры. Я искренне преклоняюсь перед Ольгой Шныровой, которая работает в Иваново и перед Ярославской-Смирновой, которая работает с многими другими нашими женщинами, которые сделали, может быть, даже то, что не сделали на Западе. Они сделали это по-своему, может быть как-то, но это была уникальная и удивительная работа. Не то, что была, она еще продолжается, хотя...

Н.Л.: Продолжаются ли связи с зарубежными организациями?

М.М.: А вот к счастью, Центр «Анна», который был создан при Институте народонаселения одновременно с Центром гендерных исследований, он работает до сих пор. И этот центр создал огромное количество аналогичных структур во многих регионах России. Деятельность его связана с преодолением насилия в отношении женщин. Но они пошли дальше. Они вовлекли в свою орбиту мужчин и теперь очень активно работают с мужскими организациями. В основном, конечно, в Санкт-Петербурге, вот сосредоточение этих мужских проектов, очень успешных, которые активно интегрированы в западные организации, которые интегрируют их методики. Распространяют здесь. И мне кажется, что за ними очень огромные перспективы.

Н.Л.: Ну и таким образом, мы подходим к самому последнему вопросу. С надеждой и с оптимизмом Вы смотрите в будущее, размышляя о женском движении в нашей стране? Или же политический контекст настолько изменился по сравнению с 90-ми годами, что надеяться на такие успехи, которые были достигнуты нашими женскими организациями в те годы, когда не было таких западных санкций, наоборот мы стремились к большей интегрированности, к большему сотрудничеству с западными организациями? Мы шли семимильными шагами, очень быстро, значит. Как оценить современное состояние? С оптимизмом или все достаточно напряженно и сложно?

М.М.: Ну, это просто как бы очередной исторический период, который пережить надо. Он не может продолжаться слишком долго, я в этом убеждена. Все равно это все обречено. Вот в таком состоянии общество находиться долго не будет. Даже если впереди еще такое десятилетие оно не может загубить те ростки, которые вот прорвались сквозь землю и дали такие интересные плоды. Я думаю, что есть какой-то период вот внутреннего осмысления. Наверное, ну, да, нас притормозили. Будем думать, но потом будет всплеск. Я убеждена. Потому что Россия – огромная страна, потому что в ней очень много интеллектуальных, образованных, фантастически интересных людей. Интернет сейчас показывает сколько пишут книг, настолько уникальных, настолько интересных, которых раньше вот встретить было сложно. Может быть, потому, что действительно

теперь мы живем в глобализованном пространстве, и возможность обмена идеями, она ускорилась в десятки, может быть, даже в сотни раз. И вот междисциплинарность исследований, она сейчас дает такой вот всплеск новому качеству восприятия социума и выражения того, как живет этот социум, о чем раньше мы даже не могли мечтать. А гендерная проблематика, она собственно вообще вся строится на междисциплинарности, по-другому быть не может. Поэтому, наверное, так она интересна и так она захватывала, и так хотелось ей заниматься.

Н.Л.: Спасибо большое, Марина Михайловна, за Ваш рассказ и за Ваши воспоминания. Всего доброго.

М.М.: Спасибо и Вам.